

Кокушева А.А.

**Абсентеистические настроения
в молодежной среде: причины
политического отчуждения**

В статье рассматривается проблема политического отчуждения молодежи, интенсивное распространение которой автор сводит к патриархальному типу политической культуры, формирующей ценностно-установочную программу «пассивного участия» в политической жизни общества. Также в статье дается определение категории «отчуждения», в частности раскрываются ее конструктивные и деструктивные формы как политического поведения. Выдвигается положение, что абсентеистические настроения в молодежной среде обусловлены рядом проблем: одни связаны с политическим прошлым страны, другие с влиянием состоявшейся политической культуры на общественное сознание молодого поколения. Показаны результаты социологических исследований, которые демонстрируют низкий уровень политического участия молодежи в политической жизни общества, что непосредственно связано с отсутствием интереса у них к политике. Делается вывод о том, что молодежь как элемент политической системы общества, хоть и не выступает в роли актора политических процессов, но имеет свою определенную нишу по регулированию всей системы отношений государства и общества.

Ключевые слова: молодежь, студенчество, абсентеизм, политическое отчуждение, политическая культура, патриархальная культура, тоталитаризм, авторитаризм, демократия, пассивное участие, политические ориентации.

Kokusheva A.A.

**The absenteeism mood among
young people: the causes of
political alienation**

The problem of political alienation of youth, intensive spread of which the author brings to the patriarchal type of political culture, which forms the value-installer «passive participation» in the political life of society. The article also provides a definition of the category of «alienation», in particular reveals its constructive and destructive forms as political behavior. Put forward a position that absenteeism mood among the youth due to a number of problems: one related to the political past of the country, while others held to the influence of political culture on public consciousness of the young generation. The results of sociological studies that demonstrate a low level of political participation of young people in the political life of society, which is directly related to the lack of interest in their politics.

Key words: young people, students, absenteeism, political alienation, political culture, patriarchal culture, totalitarianism, authoritarianism, democracy, political orientations.

Кокушева А.А.

**Жастар арасындағы
абсентеистік көңіл-күйлер:
саяси жатсынудың
себептері**

Мақалада жастардың саяси жатсыну мәселесі қарастырылған. Автор оның қазақстандық қоғамда кеңінен таралу себебін жастардың қоғамның саяси өміріне «белсенсіз араласу» қатынасын тудыратын патриархалды саяси мәдениет пен оның құндылықтық-ұстанымдық бағдарларымен түсіндіреді. Сонымен қатар, мақалада «жатсыну» түсінігіне анықтама беріліп, оның саяси іс-әрекет ретінде залалды және пайдалы қырлары мен түрлері көрсетіледі. Жастардың саяси жатсыну мен саясаттан алшақтаушылығы бірқатар мәселелермен негізделген: біріншілері, мемлекеттің саяси тарихымен байланысты болса, екіншілері, қалыптасып қалған саяси мәдениеттің жастардың қоғамдық санасына тигізер әсерімен байланысты болып келеді. Жастардың белсенсіз саяси әрекеттері мен осыған байланысты саясатқа деген қызығушылықтың жоқтығын дәлелдейтін әлеуметтанулық зерттеулердің нәтижелері көрсетілген. Жастар қоғамның саяси жүйесінің құрамдас бөлігі ретінде саяси үрдістердің қозғаушы күші ретінде танылмағанымен, мемлекет пен қоғам арасындағы қатынастар жүйесін реттестіруші қызметкерінің рөлін атқарады деген қорытынды шығарылады.

Түйін сөздер: жастар, студенттер, абсентеизм, саяси жатсыну, саяси мәдениет, патриархалды мәдениет, тоталитаризм, авторитаризм, демократия, саяси бағдарлар.

**АБСЕНТЕИСТИЧЕСКИЕ
НАСТРОЕНИЯ В
МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ:
ПРИЧИНЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ОТЧУЖДЕНИЯ**

Молодежь является одной из центральных проблем современных исследований, вектор которых направлен на раскрытие ее роли как субъекта ключевых процессов общественной жизнедеятельности. Многие исследования также направлены на изучение социальной действительности, в условиях которой пребывает молодежь. В частности, особое внимание уделяется ее психологической, социально-экономической и общественно-политической характеристике, определяются особенности ее взаимодействия с другими социальными группами общества. Ведущими учеными мира не раз было доказано, что эта категория людей в большей степени подвержена огромному влиянию извне и формируется по определенным запросам общества и эпохи, которые задают ценностно-мировоззренческие и поведенческие ориентиры развития как индивида, так и общества в целом.

В последнее время нарастает потребность общенаучного переосмысления ряда социальных проблем, с которой также связано применение целостного подхода к изучению всего многообразия общих связей и закономерностей молодого поколения. Сегодня выбранные молодежью социальные ориентиры во многом определяют будущее казахстанского общества. Изменяющиеся объективные обстоятельства макросреды опосредуют особенности включения молодого поколения в социальную структуру общества. Это сказывается как на формировании социального облика молодого поколения, так и степени развитости самой социальной структуры. Вместе с тем факторы общественного прогресса, отображаясь в сознании молодых людей, влияют на их потребности, интересы, ценностные ориентиры, одновременно проявляясь в поведенческих реакциях [1].

Применение структурно-функционального подхода к проблеме оптимизации роли молодежи в жизни общества и государства обосновывает необходимость изучения ее как одной из составляющих политической системы. В таком случае подвергаются сомнению и критическому анализу утверждения, согласно которым молодежь выступает дополнительным звеном или запасным игроком, задача которого заключается в ожидании своего хода на поле игры. Молодежь как объект ис-

следования изучается в «чистом виде» в качестве фрагмента от общего, то есть вырезается из всей системы отношений и рассматривается внутри самой себя, когда, напротив, она должна представляться во взаимодействии со всеми элементами политической системы и общества. В результате проведенных исследований, становится очевидным, что современная молодежь, будучи стратегическим резервом развития общества, всё более отчуждается, дистанцируется от этого самого общества, а точнее, от тех правящих структур и механизмов, которые это самое общество представляют. В конечном итоге это находит своё выражение в политическом абсентеизме (от *лат.* «absent», «absentis» – отсутствующий) – неучастия лиц, наделенных избирательным правом, в процессе выборов, завершающем их элементе – голосовании. Если трактовать абсентеизм более широко, то, по существу, это отчуждение от мира политики, дистанцирование от всего того, чем живёт сфера политического. В нашем случае мы будем использовать более широкое понимание, то есть последнее определение понятия «абсентеизм», которое является характерной чертой политической культуры казахстанской молодежи [2].

Необходимо подчеркнуть, что до сих пор не существует единого понимания как относительно содержания этого понятия, так и что может служить мерой политического отчуждения. Одним из первых кто изучал проблему отчуждения был К.Маркс. В частности, он акцентировал внимание на дегуманизации личности в экономической системе, где труд как деятельность сформировавшая человека, теряет свои человеческие характеристики. Отчуждение, связанное с частной собственностью на средства производства, проявляется в том, что вместо того, чтобы быть способом проявления самого человека, труд становится лишь средством существования. Для того чтобы человек самореализовался, ему надо преодолеть это отчуждение [3].

М. Вебер приложил идею Маркса об отчуждении на работника в бюрократической системе. Вебер считает, что бюрократия нацелена на лишение человека его автономности, существуя в которой он выполняет свои профессиональные обязанности, обособленные от его личности. Такого рода обезличенность и есть ключевое составляющее бюрократической системы. Специализация, подчинение узкой профессиональной роли приводит к дегуманизации или отчуждению от истинно человеческого выбора. По Веберу отчуждение означает принудительное подчи-

нение нормам; отчужденный индивид связан в выборе ролей [4].

Современные политологи выделяют несколько основных составляющих понятия отчуждения в политической науке:

- политическое бессилие, то есть неспособность субъекта воздействовать на деятельность правительства;

- бессмысленность, то есть взгляд на политические действия как на безосновательные, бессистемные, не имеющие значения;

- крушение ценностей, то есть убеждение, что социальным нормам не стоит следовать, а традиционный социальный и политический порядок должен быть уничтожен;

- политическая изоляция – то есть такое положение, когда нормы, которыми руководствуется правительство, не являются легитимными [5].

Абсентеистические настроения также связаны с политическими ориентациями. В данном случае либо политические ориентации (например, низкий уровень доверия политическим институтам или политическим лидерам) приводят к появлению чувства или желания отрешения от мира политического и отказа от исполнения своих гражданских обязанностей либо абсентеизм (отсутствие интереса к политике) порождает позицию неучастия в политической жизни общества. Абсолютная отчужденность по своей природе противоречит принципам абсолютной ориентированности, которая означает, что субъект не мыслит реализацию своих ожиданий иначе чем вследствие определенных действий политической системы. По сравнению с отчужденностью, для которой вовсе не существует политической системы, абсолютная ориентированность настроена как на позитивные, так и негативные действия в ответ поступающим сигналам из политической системы.

Общепризнанным является и тот факт, что излишне высокие индексы позитивной ориентированности, слишком широкое распространение в обществе ориентаций такого рода играет в отношении системы скорее не стабилизирующую, а дестабилизирующую роль, ибо любые, даже незначительные политические ошибки оборачиваются для системы заметным сокращением поддержки.

Американский ученый Л. Милбрэйт в 1965 году опубликовал работу «Политическое участие», в котором он поделил американское общество по степени участия на три категории. В первую группу «апатичных» вошли те, кто избегает участия в политическом процессе. Вторую груп-

пу составили «зрители» – те, кто принимают минимальное участие в политической жизни общества. Таких в Америке насчитывалось 60%. Около 5-7% взрослого населения составили группу, которая активно вовлечена в политические процессы. Их обычно именуют гладиаторами [6].

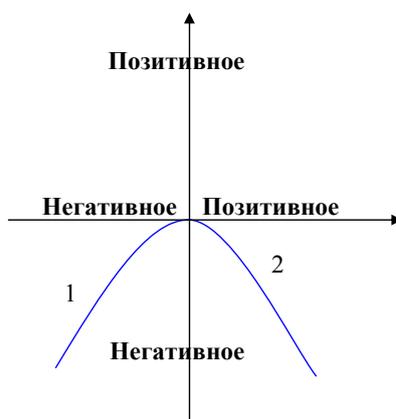
Западногерманский политолог Р. Дарендорф указывает на необходимость поддержания естественного соотношения между группами, которое не должно нарушаться в целях обеспечения стабильности политической системы. В настоящее время, считает он, общества, вступившие в эпоху современности подвержены трем политическим рискам, которые представляют собой абсолютные варианты трех элементов современной политики – руководства, управления, участия. Участие в своем абсолютном варианте ведет к установлению наиболее нестабильной системы – демократии [7].

Эта же проблему Г. Алмонд и С. Верба рассмотрели в работе «Гражданская культура», где они отмечают, что перед гражданином в демократическом обществе ставятся противоречивые требования [8]. Одновременно гражданин должен быть вовлечен в политику, достаточно активен и информирован, а также достаточно пассивен, выключен из политики и почтителен по отношению к правящим элитам. Исследователи приходят к выводу, что разрешение противоречия лежит, наряду с другими факторами, и в потенциальной, а не реальной активности гражданина, его уверенности, что в случае необходи-

мости гражданин может повлиять на общественный процесс принятия решений. В этих условиях определенный процент людей, не принимающих участие в политической жизни в цивилизованной демократической стране можно расценить в качестве показателя стабильности политической системы, ибо это означает, что люди не ожидают от правительства никаких радикальных перемен [9].

Российский ученый Несмелова М.Ю. считает, что с помощью определенных элементов в человеческом сознании можно выделить различные уровни, способы, степень проявления политического отчуждения. Так, элементы, обозначенные как политическое бессилие и бессмысленность характеризуют уровень отчуждения от определенных поведенческих норм, то есть социальных ожиданий такого типа поведения, которое приемлемо и законно в обществе. Элементы, обозначенные как крушение ценностей и политическая изоляция, характеризуют уровень отчуждения от определенных культурных ценностей.

«Представляется, что политико-поведенческие нормы и политико-культурные ценности образуют такую систему координат, которая позволяет представить графически возможные позиции субъекта в спектре политического поведения. Так, например, категория политического отчуждения может быть представлена в виде обратной параболы, каждая точка которой означает степень политического отчуждения от поведенческих норм:

где точка 0 обозначает позицию «политика как сфера деятельности не интересует, мнения о политических событиях не имею». Тогда в данной системе координат точкой 1, например, можно

обозначить позицию политического бойкота, то есть нарастание негативных значений, враждебного отношения субъекта к политической реальности; а точкой 2 – позицию пассивной готовности:

«политикой не интересуюсь, но в случае необходимости всегда готов выступить на защиту своего народа» [9, с.31].

Исходя из данной схемы политического отчуждения можно выделить два способа его проявления. Первый заключается в попытке изменить себя, когда основные усилия субъекта направляются на его самоусовершенствование. Второй выражается в желании изменить мир, когда субъект стремится к созданию контркультурных ценностей и норм.

В данном случае хотелось бы обратить внимание на попытку Г.Н. Лолы ввести в научный оборот понятие «отчужденная политическая социализация». Это – «...когда личность лишь внешним образом приобщается к политическому и политические потребности утрачивают или даже не обретают общественно-значимого содержания» [10].

Казахстанский общественный деятель Г. Шойкин утверждает, что некоторые индивиды могут не проявлять никакой активности в политике. При этом важно помнить, что граждане так или иначе все равно участвуют в политическом процессе, соответственно, отсутствие политической активности не означает тот факт, что человек не является субъектом политических взаимодействий. В качестве самого простого примера можно привести неучастие избирателей в выборах с целью сорвать их проведение. Другие формы абсентеизма также не свидетельствуют о том, что человек не участвует в политической жизни [11].

Так, например, отчужденность основной массы молодежи постсоветских стран от политики – подтверждаемая практически всеми социологическими опросами и замерами реальность. По мнению Р.Л. Лившица, в постсоветский России политическая отчужденность молодежи, проявляющаяся в отсутствии интереса к политике, в уклонении от участия в выборах и т.д., является результатом действия трех причин: «1) воспитания молодежи в течение последнего десятилетия в духе тотального отрицания советского наследия, 2) вопиющего аморализма правящего режима, 3) общей моральной и интеллектуальной деградации значительной части молодежи» [12].

Он также исходя из факта слабого участия молодежи в выборах в Законодательную думу Хабаровского края делает глобальный вывод: «В результате контрреволюции 1991-1993 годов в России выросло поколение людей, которым совершенно безразлично, «что же будет с Родиной и с нами», поколение людей, сознание кото-

рых не вмещает в себя идею государственности» [13]. Хотя это суждение можно считать скорее личным нежели общепризнанным, так как такая постановка проблемы слишком субъективна, и накладывать его на весь контекст отношений молодежи и политической системы не целесообразно.

Во-первых, экономические и социально-политические потрясения не ведут с неизбежностью к тотализации равнодушия, безразличия к судьбам Отечества. Наоборот, из истории известно, что именно в такие периоды зачастую происходит всплеск значимости идейно-политических мотивов идентификации в массовом сознании и в самосознании личности.

Во-вторых, совершенно некорректно отождествлять «идею государственности» с патриотизмом, с обеспокоенностью судьбой Родины. Понятие патриотизма включает в себя широкий спектр исторических и культурных ассоциаций, связанных не только и не столько с государством как таковым, но и с семьей, местом рождения, «малой Родиной». Вряд ли будет справедливым упрекать в отсутствии патриотизма людей, родившихся в государстве под названием СССР, но приверженных не идеям данного типа государственности, а например, национальной идее России, Украины и Казахстана.

В-третьих, аполитичность современной молодежи – отнюдь не локальное «СНГовское» явление. Те же тенденции отстранения молодежи от политики фиксируют социологи и в наиболее благополучных с экономической и социально-политической точки зрения странах консолидированной демократии. Причем массовый характер эти тенденции приняли не сегодня и без всякого отношения к тотальному отрицанию советского наследия. Достаточно вспомнить в этой связи движение «хиппи», призывавших молодых людей «заниматься любовью, а не политикой». В современном мире ни одно молодежное движение, ставящее себе целью демонстративный отказ от политики, не может сравниться по степени охвата и популярности с хиппи 60-70-х гг. прошлого столетия.

В-четвертых, неучастие в выборах отнюдь не всегда и не при всех условиях является свидетельством отчужденности от политики, гражданской незрелости, инфантильности и т.д. Напротив, это может свидетельствовать о реалистическом восприятии социально-политической реальности, когда индивид в полной мере осознает тот факт, что реальная политика делается отнюдь не выборными органами и, как пишет

сам же Р.Л. Лившиц, видит, во что превращены выборы современными политическими режимами [13, с.238].

Особо распространенные среди казахстанской молодежи абсентеистические настроения стали характерной чертой не только политического облика этой социальной группы, но и в целом описывают их сегодняшнее социально-культурное, духовно-нравственное состояние. Такие слова, как «пассивные», «инфантильные», «бездеятельные», «безучастные», являются не просто ярлыками или штрихами к их портрету, а реальным отношением общества к ним как таковым. Подобное восприятие вызвано недоверием или недооценкой их человеческого и интеллектуально-деятельностного потенциала и принижает их в роли полноценного участника политических процессов. Хотя нами уже было оговорено, что молодежь в большей степени формируется как социальный заказ, и в процессе политической социализации она осваивает определенную ценностно-установочную программу, которая закреплена политическим режимом государства. К примеру, в закрытых политических системах с авторитарным или тоталитарным стилем управления свобода слова и свобода печати подавляется, ведется активная борьба с инакомыслием и политическим плюрализмом, в массовом сознании происходит персонализация власти – все это приводит к формированию патриархальной политической культуры, которая определяется как политическая культура местных общин и характеризуется полным отрывом массы населения от политической системы, отсутствием знаний о ней и интереса к политическим процессам [13, с.250]. Обычно такой тип политической культуры приписывается странам с тоталитарным опытом управления или государствам, переходящим от авторитаризма к демократии. В постсоветских странах политическая социализация молодежи находилась на контроле у коммунистической партии, которая установила четкие идеологические установки, строящиеся вокруг культа личности Вождя или Лидера, что имеет место и в нашей политической культуре. В советское время политическая социализация студенчества и весь учебно-воспитательный процесс вуза стали строго идеологизированными и политизированными. С другой стороны, государство обеспечивало каждого студента стипендией, бесплатным образованием, жильем, трудоустройством после окончания вуза и т.д. Все эти меры по благоустройству жизни молодежи предотвращали возникновение и развитие социальной напряжен-

ности, протестных настроений и политической аномалии в обществе, в результате чего у молодого поколения сформировалось безоговорочное поклонение и почитание власти. В сознании у молодых людей не возникало альтернативного представления об ином политическом управлении обществом.

Проблему абсентеизма и тесно связанную с ней патриархальную политическую культуру нельзя сводить лишь к тоталитарному прошлому наших стран. Международный опыт показывает, что в прошлом тоталитарные и авторитарные страны, успешно освоившие урок демократии стали государствами с высокой партиципаторной политической культурой. Например, в начале 70-х годов XX века в Турции в условиях парламентского режима началась качественная перестройка образовательной системы в сторону демократии. Согласно законам 1973 года «Об основах национального просвещения» и «О высшее школе», в стране было введено всеобщее среднее образование, началась политехнизация процесса обучения, была сделана попытка сгладить диспропорцию между городом и деревней, что привело к изменению социального состава студенчества. Таким образом, в ходе демократических преобразований, государство старалось охватить все слои населения образованием. Основным социальным состав турецких студентов в конце 70-х гг. XX в. формировался за счет представителей средних слоев города и деревни [14].

Но развитие данного процесса в начале 80-х гг. XX в. было нарушено в результате установления в стране военно-авторитарного режима. Перекраивается карта демократических преобразований. Высшее образование и студенчество начинают испытывать на себе власть военных. Идет наступление со стороны правящей элиты военного режима против студенчества. Во-первых, согласно ст. 68 новой конституции Турции, принятой в 1982 году, было запрещено политическим партиям создавать молодежные отделения, а студентам – заниматься политикой.

Опираясь на новую конституцию, лидеры военного режима осенью 1982 года принимают закон под 2547 «О высшем образовании». По данному закону, университеты и жизнедеятельность студенчества попали под полный контроль военного режима. Взаимоотношения военно-авторитарного режима со студенчеством приобретает жесткий характер. Режим начал сокращать контингент студентов. Если в 1980 году абитуриенты смогли заполнить треть имевшихся в

наличии студенческих мест, то в 1982 году – менее десятой части. В результате такой политики лидеров военного режима в области образования резко сокращается фонд студенческих стипендий, возрастает плата за обучение, экзамены, общежитие, пользование библиотекой, лабораторным оборудованием и т.д. Таким образом, военный режим закрыл путь к обучению в высшей школе разночинной политически активной молодежи и представителям малоимущих слоев населения [14, с.58]. Хотя такого рода жесткие меры не смогли полностью подавить протестное настроение среди молодежи и искоренить случаи «неповиновения», напротив, они положили начало формированию у молодежи активной политической позиции.

И сегодня наблюдается аналогичная ситуация, которая свидетельствует о высокой степени политического участия турецкой молодежи, успешно перенявшая модель партиципаторной политической культуры европейских стран. Турецкая молодежь открыто взаимодействует с институтами политической системы и играет определенную роль в процессе принятия политических решений. К примеру, состоявшийся в 2008 году футбольный матч между Турцией и Арменией был сопровожден политической акцией, инициатором которой стала турецкая молодежь. Молодежное движение «Юные граждане» потребовало от властей открыть границу с Арменией, объяснив это тем, что фанатам будет нелегко добраться до Еревана. Они также отметили, что «эта игра – отличный шанс для нормализации отношений между Турцией и Арменией». В ответ на данное заявление правительство Армении приняло решение отменить визы для граждан Турции с 1 по 6 сентября 2008 года. Такого рода события характеризуют молодежь Турции как самодостаточную и самостоятельную социальную группу, у которой имеются собственные ориентиры и стратегии развития.

Проблема политического отчуждения казахстанской молодежи требует более глубокого и комплексного анализа. В связи с этим можно предположить, что абсентеизм как форма политического поведения и общественного сознания сформировался в результате компромиссных отношений молодежи и институтов политической системы. Кроме того, в молодежном сознании еще не сложилось единого мнения о перспективах политического развития государства. Существенная часть молодежи не определилась в оценке будущего страны и не имеет твердых политических убеждений, что не дает возможность

смоделировать их политическое поведение в случае возникновения изменений в структуре политической системы. И, тем не менее, даже при ухудшении социального фона вероятность резкой радикализации значительной части молодежи сравнительно невелика, прежде всего из-за низкого уровня ее самоорганизации, отсутствия субъектов, способных консолидировать хотя бы наиболее активную ее часть.

Проведенное казахстанскими учеными социологическое исследование в 2005 году свидетельствует об отсутствии твердых политических убеждений среди казахстанцев. 32,3% респондентов ответили, что «равнодушны к политике, так как им достаточно своих собственных забот», 48,4% сказали, что никогда не задумывались об этом [15]. Тем не менее, среди казахстанской молодежи прослеживаются определенные симпатии и предпочтения тем или иным социально-политическим учениям. Например, 15,8% назвали себя «либерал-демократами», 23,2% – «социал-демократами», 10,4% – «исламистами», 12,2% – «национал-патриотами», 38,2% затруднились ответить (данные социологического опроса за 2007 год, проведенного Институтом философии и политологии МОН РК). Хотя когда им был задан вопрос «Считаете ли Вы, что у Вас есть возможность влиять на решения, принимаемые властями?», 54% респондентов ответили «нет», 20% затруднились ответить. Получается, что политические ценности и убеждения выступают лишь в форме общественного сознания, но не являются мотивирующим фактором политического поведения.

Уровень абсентеизма и его глубина тесно связаны с фактором неучастия граждан в протестных акциях. Департамент молодежной политики по результатам исследования, проведенного в 2006 году опубликовал следующие данные о протестном потенциале казахстанской молодежи и об основных формах реализации этого потенциала. Было выявлено, что 11% респондентов готовы защищать свои интересы посредством участия на митингах, 3% выбрали пикетирование, 2% сказали, что готовы активно сопротивляться, 17% опрошенных затруднились с ответом. Аналогичная ситуация сложилась и в России. Результаты социологических исследований показали, что готовность к участию в акциях неповиновения оказалась наиболее высокой у людей в возрасте от 30-45 лет (39,5%), а не у молодежи (19,8%) [15, с.162-163]. Это еще раз доказывает тот факт, что большинство молодых людей не готовы к активным и решаящим

действиям либо их действия не самоорганизованы и не скоординированы.

Проведенный в 2013 году социологический опрос выдал результаты, которые частично противоречат результатам предыдущих лет. Опрос показал, что доля молодых казахстанцев, активно интересующихся политикой, достаточно высока – 21,8%, доля молодежи, которая «факультативно» интересуется (интересуется лишь иногда) – 53,7% и не интересуются вовсе около пятой части (19,8%) и затруднились ответить – 4,7%. Интерес к политике в молодежной среде особо не отличается от интереса к ней в других возрастных группах.

Анализ результатов в этническом разрезе показывает ощутимую разницу предпочтений. Так, более четверти (27,5%) молодых респондентов-казахов отметили, что постоянно интересуются политической жизнью страны, среди русских таковых 12,7%.

Политическая жизнь страны не интересует 17,7% казахских респондентов и 23,1% русских. В той или иной степени политикой интересуются 78,2% казахов и 71,2% русских, то есть существенная разница отмечена в показателях «постоянно интересующихся».

Ответы молодых людей на вопрос анкеты о характере их политической активности показали, что участие в общественно-политической жизни в основном сводится к участию в выборах в органы власти различного уровня, на это указало 33,0% респондентов. Значительная часть молодых людей отметила, что не проявляют ни-

какого внимания к жизни общества (40,7%), а 12,9% принимали участие в коллективном благоустройстве подъездов и домов, и лишь 1,8% заявили о своем участии в деятельности политических партий [16].

Приведенные социологические данные показывают, насколько проблема отчуждения сложна и многогранна, и это обосновано тем, что ей посвящено множество исследований, которые еще не выработали общего подхода к данной проблеме. Все еще нет определенной системы технологий, применение которых выявило бы характер абсентеистических настроений. Многие ученые исходя из опыта своих стран и свойственной им политической культуры по-разному определяют понятие «политическая отчужденность», рассматривая ее во взаимодействии с такими понятиями, как «легитимность», «компромисс», «протестность», «нигилизм» и т.п. Что касается казахстанской молодежи, остается все еще не известным, каковы основные причины его широкого проявления в нашем обществе. То ли эти настроения закрепились состоявшейся политической культурой или вытекают из последствий взаимодействия политической системы и общества, или это связано с тем, что принципы демократии все еще не укоренены в сознании граждан. Иначе говоря, абсентеистические настроения казахстанской молодежи как в конструктивной, так и в деструктивной форме являются одним из ключевых элементов, определяющих жизнеспособность и жизнедеятельность политической системы.

Литература

- 1 Зайниева Л.Ю. Калетаев Д.А., Шойкин Г.Н. Молодежь Казахстана в условиях демократизации общественных и экономических отношений. – Астана, 2004. – С.3.
- 2 Волкова Н.Н. Проблема абсентеизма в молодежной среде. – Братск. – С.2.
- 3 См.: Маркс К. Экономически-философские рукописи 1844г./К.Маркс, Ф.Энгельс. – Соч. – Т.42.
- 4 См.: Weber M. Economy and Society. – L.A.L., 1978.
- 5 Цит. По Несмелова М.Ю. Finifter A. Dimensions of Political Alienation//American Political Science Review. – 1970. - №64. – P.390.
- 6 Milbrath L., Goel M. Political participation. – P.11.
- 7 Социальный конфликт. Современные исследования. – М., 1991. – С.14.
- 8 Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильная демократия. – С.124.
- 9 Несмелова М.Ю. Политическое поведение студенческой молодежи в современной России. – Казань, 1995г. – С. 22.
- 10 Лола Г.Н. Политическая социализация личности в системе самоуправления// Ускорение НТП: социально-философские проблемы. – М., 1986. – С.161.
- 11 Шойкин Г.Н. Политическое поведение казахстанской молодежи. – Алматы, 2006. – С.17.
- 12 Лившиц Р.Л. Молодое поколение не выбирает (отчуждение молодежи от политики в постсоветской России: причины и последствия)//Credonew. – 2002. - №4/http://ihtik.lib.ru
- 13 Айдарбеков З.С. Казахстанская молодежь: ценности, приоритеты, стратегии самоопределения. – Алматы, 2008. – С.237.
- 14 Хоменко И.А. Азиатское студенчество. Социально-политический портрет. – М.: Наука, 1997. – С.56-57.

15 Малинин Г.В., Дунаев В.Ю. Человек и социальное государство. – Алматы, 2005. – С.152.

16 Ешпанова Д.Д. Аналитический отчет «Социально-политические ориентации казахстанской молодежи». – Алматы, 2013. – С.28.

References

- 1 Zaynieva L.J., Kaletaev D.A., Shoykin G.N. Kazakhstan young people in conditions of democratization of public and economical relations. – Almaty, 2004. – P.3
- 2 Volkova N.N. Absenteeism problem among young people. – Bratsk. – P.2.
- 3 K. Marx. Economical-philosophical manuscripts of 1844\ K.Marx, F.Engels. – V.2.
- 4 Weber M. Economy and Society. – L.A.L., 1978.
- 5 Finifter A. Dimensions of Political Alienation//American Poitical Science Review. – 1970. - №64. – P.390.
- 6 Milbrath L., Goel M. Political participation. – P.11.
- 7 Social conflict. Contemporary studies. – M.,1991. – P.14.
- 8 Almond G. Verba S. Civil culture and a stable democracy. – P.124.
- 9 Nesmelova M. J. Political behaviour of students in modern Russia. – Kazan, 1995. – P.22.
- 10 Lola G.N. Political socialization of individuum in the system of self-governing. – M., 1986. – P.161.
- 11 Shoykin G.N. Political behaviour of Kazakhstan young people. – Almaty, 2006. – P.17.
- 12 Livshicz R.L. Young generation does not choose//Credonew. – 2002. - №4/<http://ihtik.lib.ru>
- 13 Aydarbekov Z.S. Kazakhstan youth: values, priorities and strategies of self-determination. – Almaty, 2008. – P.237.
- 14 Homenko I.A. Asian students. Social-political portret. – M., 1997. – P.56-57.
- 15 Malinin G. V. Dunaev V. J. Person and social state. – Almaty, 2005. P.152.
- 16 Eshpanova D.D. Analytical report «Social-political orientations of Kazakhstan youth». – Almaty, 2013. – P.28.